

ФИЛОСОФИЯ

УДК 81

Ж.Н. Шмелева

ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И ЯЗЫКОЗНАНИИ

В данной статье предлагается анализ некоторых принципов и подходов к теоретическому осмыслению феномена языка в современной философии и лингвистике.

Ключевые слова: язык, онтология, гносеология, рационализация.

Zh.N. Shmeleva

THE LANGUAGE ANALYSIS PRINCIPLES IN CONTEMPORARY PHILOSOPHY AND LINGUISTICS

The article presents the analysis of some principles and approaches to the theoretical understanding of the language phenomenon in contemporary philosophy and linguistics.

Key words: language, ontology, epistemology, rationalization.

В результате эмпирического и отчасти теоретического анализа языка со времен модерна этот феномен втягивается в обширную научно-исследовательскую деятельность, что естественным образом приводит к переходу в иную, логическую плоскость его осмысления.

В философии усиливается тенденция анализировать грамматические конструкции любого языка как воплощение логических категорий. Предпосылки к реализации этой тенденции обусловили появление общей рациональной грамматики [1]. Мы присоединяемся к мнению некоторых исследователей, полагавших, что эта грамматика открывает совершенно новую страницу в философии языка, с которой начинается научное исследование этого важнейшего феномена рационального опыта человечества [2].

Цель работы заключается в том, чтобы показать, как научное осмысление строения и функционирования естественного языка, представленного во всем разнообразии языков мира, приводит к выявлению их единства и специфического проявления.

В языковой практике смысл должен определять конструкцию формы, а не наоборот. Поэтому одной из **задач** настоящей работы будет выявление фундаментальных структур языковой коммуникации посредством отслеживания ее внутренних лингвофилософских различий. Логика исторического развития языка заставляет понять, как и почему существительное определяет субстанцию, а прилагательное отмечает акциденцию; установить принципиальную функцию глагола, посредством которого рассуждающий не просто изучает вещи, а судит и утверждает о них нечто. «Наиболее важное различие, характеризующее наше сознание, состоит в том, что там можно выделить как предмет мысли, так и форму мысли. Основной формой является суждение», – отмечается по этому поводу в «Общей рациональной грамматике Пор-Рояля» [1, с. 97]. Другими словами, исходя из теоретического допущения о том, что язык и его модусы являются основным средством выражения содержания мысли, и, следовательно, при изучении языка грамматика должна опираться на логику, мы постараемся исследовать теоретическое осмысление языка.

Историческая необходимость существования языка для того, чтобы человек мог выражать свои мысли при помощи знаков – слов, обозначающих все происходящее в мозгу человека, не так уж тривиальна, как это может показаться на первый взгляд. Уже древние понимали, что слово выступает в качестве конституирующего и конструирующего момента языка. Отвлекаясь от номинативного понимания слова античными мыслителями, подтверждаем логическую правомерность вопроса: «Что есть слово?» Только ли ряд членораздельных звуков, из которых люди составляют знаки для обозначения своих мыслей? Или слово имеет бинарную структуру: звуки образуют внешнюю сторону знака, а значения слов – внутреннюю. Наиболее существенное различие между словами состоит в том, что одни из них обозначают предметы мысли, а другие – ход мысли. Таким образом, грамматика анализирует типы слов и их место в процессе речеобразования. Именно в этом процессе единицы смысла, единицы сознания, единицы духа подвергаются кодированию в

элементах речи, которое осуществляется в соответствии с общими законами, вытекающими из природы языка. Опираясь на законы логики, общие для всего человечества, можно выделить единые для всех языков фундаментальные правила функционирования грамматического строя. Различные языки представляют собой как бы видоизменения некоей универсальной логико-языковой системы, поэтому «Всеобщая рациональная грамматика» и ее положения на долгое время стали аксиоматическими в языковой теории.

Все, что изобрел человеческий дух, приходит к нам через язык. Иными словами, язык является отличительной чертой нашего разума, и с ним разум обретает форму. Мы присоединяемся к точке зрения В.Гумбольдта, который справедливо полагал, что языкознание не решит ни одной проблемы, если не поднимется до понимания языка как деятельности духа. Идея духа выступала у В.Гумбольдта как некий исходный принцип, некая инвариантная категория, движущая сила, распространяющая свое действие на язык. Язык рассматривался как процесс деятельности духа, а это, на наш взгляд, явилось новым шагом в теории языка [3, с. 37–284].

Рассматривая язык одновременно и как отражение действительности, и как знак, В.Гумбольдт говорит о знаковой природе языка, поскольку слова представляют собой не предметы, а лишь понятия о них [3, с. 67–84]. В целом язык не является продуктом произвольного творения, он неразрывно связан с внутренней природой человека.

Нам важно понимание языка В.Гумбольдтом в его внутренней сущности как целого, состоящего из диалектических противоречий, которые были сформулированы в виде антиномий. На наш взгляд, самыми важными (раскрывающими диалектическую сущность исследуемого феномена) антиномиями являются: антиномия языка и мышления, суть которой – неразрывное единство языка и мышления и одновременное стремление мысли освободиться от уз языка; антиномия объективного и субъективного в языке – по отношению к познаваемому язык субъективен, а по отношению к человеку объективен; антиномия общего и единичного, язык принадлежит одновременно и отдельному человеку, и всему коллективу, и также антиномия понимания и непонимания – поскольку индивидами вкладывается различное содержание в одно и то же слово, постольку понимание между разговаривающими в одно и то же время есть и согласие в мыслях и чувствах, и разногласие.

В.Гумбольдт постоянно апеллирует к «духу народа», под которым он понимает комплекс интеллектуальных ценностей и всю совокупность культуры народа, его духовное своеобразие. «Язык, – отмечает он, – представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулированный звук пригодным для выражения мысли» [3, с. 70]. «Дух народа» и его язык настолько взаимосвязаны, что если существует одно, другое можно вывести из него. Эта связь нашла свое выражение в знаменитой формуле В.Гумбольдта: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно представить себе что-либо более тождественное» [3, с. 68]. Все вышесказанное позволяет нам вслед за В.Гумбольдтом задуматься над предположением о том, что наше отношение к предметам и явлениям объективного мира обуславливается не свойствами этих предметов и явлений, а языком. Язык, образованный из понятий и представлений некоторой части человечества, определяет отношение человека к объективной действительности и его поведению. Таким образом, язык может выступать и выступает как форма рациональной деятельности, преобразующей внешний мир в собственность внутреннего духа. В соответствии с известным принципом дополнительности Н.Бора вышесказанное совсем не противоречит положению о производности языка от сознания, мышления.

Едва ли не самым важным в контексте заявленной проблемы является определение сущности языка. С одной стороны, язык есть идеальный феномен, в виде автономного духовного образования, а с другой – он (язык) – продукт исторического развития материальной культуры общества, а следовательно, социокультурный феномен с потенциями актуализации материальной субстанции. Мы разделяем точку зрения о социокультурной сущности языка, так как в действительности язык развивается только в обществе, и человек понимает самого себя постольку, поскольку опытом установлено, что его слова понятны также и другим людям, той культурно-этнической реальности, в которой он живет. Поэтому другим важным теоретико-методологическим положением является диалектико-материалистический принцип развития, примененный к анализу сущностных свойств языка. Об этом же говорил и В.Гумбольдт: «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт, но как создающий процесс» [3, с. 69], «язык есть не продукт деятельности – (ergon), а деятельность (energeia)» [3, с. 70] Тем самым были выявлены особенности и закономерности языка, направленные против метафизических представлений о нем, как о чем-то неподвижном, раз и навсегда данным человеку.

Лингвистическая концепция В. Гумбольдта знаменует собой качественно новый этап в развитии философии языка. Восприняв основные теоретические положения немецкой философии и владея в совершенстве всем известным в его время эмпирическим материалом, относящимся к многочисленным языкам и культурам,

он, впервые в истории развития языкознания и философии, смог построить достаточно стройную и цельную систему, отражающую внутреннее строение языка, его связи с духовной и умственной жизнью народа.

Некоторую абсолютизацию слова, присущую В. Гумбольдту, компенсировало зародившееся в России психологическое направление. Оно связано с именем А.А. Потебни, придавшим многим положениям В. Гумбольдта более реалистичное истолкование [4].

Поскольку мы пытаемся систематизировать рациональный опыт эволюции проблемы языка, постольку нас прежде всего интересует взгляд А.А. Потебни на соотношение языка и мышления. По мнению русского философа, язык является необходимым условием мыслительности отдельного лица, так как именно в слове человек впервые осознает свою мысль. Подчеркивается обобщающая сила слова в систематизации и классификации человеческих знаний, поскольку только слово определяет всему свое место в системе. Анализируя категории представления, суждения, понятия, А.А. Потебня утверждает тезис о тесной связи языка и мышления, слова и понятия [4, с. 192].

Крупнейший представитель логического направления в русском языкознании Ф.И. Буслаев считал, что грамматика должна опираться на логические начала, поскольку в синтаксисе новейших языков главенствует отвлеченный смысл законов логики над этимологической формой и над тем первоначальным наглядным представлением, который этой формой выражен. Для него все слова есть не что иное, как названия общих представлений или понятий. Функция языка – выражать мысль словами. Суждение, выраженное словами, есть предложение. Части речи представляют собой различные формы мысли. Язык в данной концепции понимается как совокупность грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава, а языковая система представляется как сочетание разновременных явлений. И с этой точки зрения история языка находится в теснейшей связи с современным его состоянием, поскольку восстанавливает и объясняет то, что теперь употребляется бессознательно.

На основе проведенного анализа можно предположить, что отличительной чертой теоретизации языка является отождествление семантики с логическими категориями и операциями, а языковых форм – с логическими формами мышления. Слово семантически представляет собой понятие, предложение – суждение, а сложное предложение – умозаключение. Представители логико-грамматического направления начала и середины XIX века считали основной единицей языка предложение, а категорией – часть речи.

Поиски нового подхода к языку в конце XIX и начале XX в. привели к появлению общелингвистической теории, в которой узловыми проблемами являлись соотношения языка и речи, системности языка, синхронии и диахронии, внешней и внутренней лингвистики. Общую теорию языка создал Ф.де Соссюр, а основным методом построения лингвистической теории он избрал метод антиномий. В основе его теории лежит оппозиция языка и слова, однако данная оппозиция не исключает того, что язык и речь тесно между собою связаны и, по мнению Ф.де Соссюра, взаимно друг друга предполагают. Язык необходим, чтобы речь была понятна и производила свое действие; речь необходима для того, чтобы установился язык, поскольку исторически факт речи всегда предшествует языку. Речь есть всеобщая способность говорить, в то время как язык является социальным продуктом речевой способности. Язык внеположен индивиду, как институциональный факт он выше, человек обязан выучить язык, не имея способности ни создавать, ни изменять его. Язык как социальный институт усваивается индивидом в уже готовом виде. Помимо социального характера языка подчеркивается его психологическая природа: язык – совокупность ассоциаций, имеющих местонахождение в сознании и скрепленных коллективным согласием. Ф.де Соссюр называет практику репродуцирования одних и тех же знаков, связанных с соответствующими понятиями, процессом «социальной кристаллизации» слова в языке [5, с.34–36].

Очень важным, на наш взгляд, является замечание о том, что язык как социальный факт и система знаков, используемых человеком для общения и понимания, отличается от речевого языка – слова. При разведении понятий «язык» и «слово», социальное отделяется от индивидуального. Другими словами, в отличие от языка речь и слово всегда индивидуальны. Ф.де Соссюр определяет язык как коллективную модель и коммуникативный кодекс, а слово по сравнению с ним предстает как индивидуальный, мгновенный акт воли и понимания.

К одной из главных заслуг Ф.де Соссюра мы склонны относить обоснование системного и знакового характера языка. Последний понимается как совокупность элементов, части которой связаны между собой синтагматическими и парадигматическими отношениями и, кроме того, как система знаков, в которой соединяются смысл и акустический образ, являющиеся в равной мере психическими.

Деление Ф.де Соссюром лингвистики на внешнюю и внутреннюю привело к возникновению двух новых течений философской рефлексии над языком: социологическому направлению и направлению структурализма. Понятие структуры становится в XX веке одним из самых популярных и естественным образом

входит и в науку о языке, однако по-разному определяется в различных направлениях современного структурализма: функциональной лингвистике, глоссематике и американской дескриптивной лингвистике.

Лингвистическая концепция Пражской школы функциональной лингвистики, яркими представителями которой являются Н.С.Трубецкой, Р.О.Якобсон, восприняла и развила дальше в цельную научную концепцию ряд положений Ф.де Соссюра и русской лингвистической традиции. Представление о языке как функциональной системе выражается в рассмотрении его как системы средств выражения, служащей определенной цели. Ясно подчеркивается связь языка с внеязыковой действительностью, без которой он не имеет как смысла, так и права на существование, а также социальная природа и структура литературного языка. Такое соотносительное изучение структуры языка исходит из необходимости рассматривать языковой знак в его реализации, в отношении к окружающей действительности. Важнейшей чертой языковых систем считается их функциональное назначение, практическое использование, при этом важны не только отношения внутри языковой системы, но также отношения языковой системы к внеязыковой действительности. Помимо этого выдвигается тезис о равноправности синхронического и диахронического подхода к языку, поскольку системный и структурный анализ необходим не только в области синхронии, но и в диахронии. В этом случае должно вестись не только историческое или хронологическое описание изменений языка, но и производиться вскрытие системных причин этих изменений. Мы присоединяемся к мнению пражских ученых, что синхрония и диахрония не представляют собой независимых областей и аспектов изучения языка, а являются диалектическим единством.

Философская основа еще одной школы структурализма – глоссематической теории – позитивизм, последовательно отрицающий реальное существование предметов материальной действительности и объявляющий эти предметы пучками пересечения их взаимных зависимостей – функций. По мысли представителя глоссематической школы Л. Ельмслева: «Лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т.е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру *sui generis*» [6, с.134]. В структуре языка следует выделить постоянные, независимые от «внеязыковой действительности» элементы, присущие любому языку. Подлинное научное языкознание должно быть имманентным, то есть должно изучать конструктивные элементы языка, свойственные человеческой речи вообще, а не данному конкретному языку. Тем самым Л. Ельмслев ставит перед собой задачу создания универсальной лингвистической теории.

Рассматривая соссюрское противопоставление «язык – речь», Л. Ельмслев приходит к выводу, что оно охватывает по крайней мере четыре разных понятия: схему – норму – узус – акт [6, с.200]. Схема языка есть чистая форма, определяемая независимо от социальной реализации и материального оформления. Языковая норма представляет собой материальную форму, связанную с социальной реализацией, но не зависимую от деталей проявления. Языковой узус – это совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактами наблюдаемых проявлений. Эти три понятия составляют язык в понимании Ф.де Соссюра. Понятие акта, вводимое Л.Ельмслевым, есть индивидуальный речевой поступок, говорение. Думается, введение этого понятия дало толчок в дальнейшем исследованиям дискурса как актуализированной формы языка, о чем говорилось в одной из ранних публикаций автора настоящей статьи [7, с.479–489].

Представители американского структурализма (дескриптивной лингвистики) Э. Сепир и Л. Блумфилд видели сущность языка не столько в его внешних и формальных критериях, сколько в связях с культурой, обществом, историей, которые и определяют внутреннюю природу и его специфику у каждого этноса. Скажем, Э.Сепир различает в языке физическую и идеальную систему (модель), отдавая приоритет второй. Каждый язык, по его мнению, сделан по особой модели, поэтому по-своему членит окружающую действительность и навязывает этот способ всем говорящим на нем людям. Люди, говорящие на разных языках, видят мир по-разному, восприятие окружающего мира в значительной степени бессознательно строится на языковых категориях. Эти идеи получили дальнейшее развитие в работах Б. Уорфа и название гипотезы Сепира-Уорфа, или гипотезы лингвистической относительности. Э. Сепир определяет язык как социальное явление и ставит вопрос о соотношении языка с иными формами человеческого поведения, в частности с культурой. Если культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает, то язык есть то, как думают [8, с.193].

Философской основой системы Л. Блумфилда является позитивизм, и задачу лингвистики он видит в описании фактов языка, но не в их объяснении. Психологической основой его теории является бихевиоризм, основной тезис которого гласит, что о психической деятельности человека можно судить только по его поведению (*behavior*), а точнее – по внешневыраженным реакциям, как ответу на воздействие раздражителей. Следуя этому учению, Л. Блумфилд рассматривает язык как особую форму поведения человека, языковые процессы – как явления одного порядка с биологическими процессами, сводит речевое общение к цепи сти-

мулов и реакций на них. Фундаментальной выступает проблема языкового значения, которое считается ситуативным, проявляющимся в ситуации «говорящий – речь – реакция слушающего» [9, с.142]. Поскольку таких ситуаций может быть великое множество, постольку «определение значений, – полагает Л. Блумфилд, – является, таким образом, уязвимым звеном в науке о языке» [9, с.143].

Таким образом, в различных направлениях структурализма проявились национально-специфические черты, обусловленные как теоретическими установками того или иного направления, так и прикладными задачами. Мы склонны считать заслугой структурализма утверждение важнейшего принципа философии языка – рассмотрение языка как системы, части которой существуют лишь во взаимосвязи и взаимозависимости.

С идеями структурализма тесно связана проблема знаковой природы языка. Строение и функционирование знаковых систем, используемых человеком, их виды, строение, общие свойства знака изучает семиотика.

Действительно, давайте посмотрим на язык как знаковую систему, обладающую рядом специфических семиотических свойств. Во-первых, язык является первичным по отношению к другим знакам, системы которых создаются уже на базе естественного языка. Все искусственные знаковые системы производны, вторичны по отношению к естественному языку. При этом первичность языка по отношению к другим знаковым системам заключается в генетическом плане в целом, а не в последовательности передачи информации по формуле «мысль – языковой знак – знак искусственной системы». Во-вторых, другие знаковые системы предназначены для передачи ограниченной информации, они обслуживают только те или иные стороны жизни и деятельности человека. Язык же является всеобъемлющим средством передачи и хранения информации, универсальным средством общения, он обслуживает человека и то или иное общество во всех сферах его деятельности. Язык является средством порождения и оформления самой мысли, он выражает также эмоции, чувства и волю человека, тогда как знаки остальных систем, за исключением музыкальных знаков и жестов, эмоционально нейтральны. Еще одно отличие языка от других семиотических систем заключается в постоянном развитии, совершенствовании, что обеспечивает ему роль самого гибкого и мощного средства мышления. Развитие языка происходит в значительной мере стихийно, под действием причин, не всегда доступных наблюдению. Язык как порождение ряда эпох и поколений сохраняет многие избыточные черты, противоречивые факты, асистемные и иносистемные образования. При этом некоторые моменты в развитии языка могут сознательно регулироваться людьми.

Одной из наиболее актуальных проблем лингвистики и философии XX века стала разработка принципов анализа реальных высказываний и создание лингвистической теории смысла. Во втором десятилетии XX века зарождается течение неопозитивизма, ярчайшими представителями которого являются Дж. Мур, Б. Рассел и Л. Витгенштейн. Именно они впервые выразили принципиально новый подход к языку не только как к форме, реализующей пропозициональные единицы мышления, но и как к творческому инструменту сознания, позволяющему человеку моделировать и создавать действительность своего существования. В самом общем виде суть неопозитивизма, в конечном счете, состоит в том, что философия здесь понимается как *анализ языка*, и даже традиционные философские проблемы рассматриваются его представителями как исключительно языковые проблемы. Язык становится не только средством общения и компонентом познавательной деятельности, но и единственной средой, в которой протекает вся сознательная и бессознательная жизнь человека.

Мы полагаем, что когда предметом анализа становится язык (который, в свою очередь, является системой знаков), на первый план неизбежно выдвигается проблема значения и смысла. Именно эта проблема оказывается в центре внимания неопозитивистов.

Дж. Мур привлек внимание к анализу значений слов и высказываний, которыми пользовались философы, поскольку не мог понять смысл вещей, произносимых ими. Именно Дж. Мур способствовал возникновению мнения, что дело философии – *прояснение*, а не открытие, и что ее (философии) предмет – скорее наши мысли или язык, чем факты.

По нашему мнению, весьма эвристичной является точка зрения Л. Витгенштейна о том, что теория языка соответствует теории реальности. Язык, согласно его концепции, является «проективным изображением» реальности. В жизни мы создаем для себя картины фактов, следовательно, картина становится моделью действительности. Поскольку мышление и язык тесно взаимосвязаны, то мысль, по мнению философа, это осмысленное предложение. «Предложение – картина действительности: ибо, понимая предложение, я знаю изображаемую им возможную ситуацию. Я понимаю предложение без того, чтоб мне объяснили его смысл» [10, с.20]. Интересным в связи с этим кажется рассмотрение Ж. Делёзом соотношения смысла и предложения. С одной стороны, смысл не может существовать вне выражающего его предложения, но с другой стороны – не сливается с ним полностью [11, с.37]. Ж. Делёз делает вывод, что «смысл – это и выражаемое, то есть выраженное в предложении, и атрибут положения вещей» [11, с.38]. Он (смысл) не сливает-

ся ни с предложениями, ни с положением вещей, не имеет ни физического, ни ментального существования, а является границей между предложениями и вещами. Язык же в его понимании «это то, что высказывается о вещах» [11, с.38].

В «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна постоянно обнаруживается важная тенденция к слиянию, отождествлению языка с миром. Поскольку первичной, исходной реальностью является язык, постольку для человека границы его языка означают границы его мира. А это значит, что язык имеет нечто общее и тождественное с миром, о котором он говорит, это общее не может быть высказано. Предложения могут изображать всю действительность, но они не могут изображать то, что они должны иметь общего с действительностью, чтобы быть способными ее изображать, – логическую форму.

Не вступая в полемику относительно первичности и производности данных феноменов, думается, можно согласиться с тем, что назначение языка состоит в том, чтобы утверждать и отрицать факты. Язык предназначен для того, чтобы говорить исключительно о фактах, и всякое иное использование языка неправомерно. В частности, язык непригоден для того, чтобы говорить о самом себе. Говоря в этой связи о предназначении философии, Л. Витгенштейн полагает, что она должна быть «критикой языка» и делать туманные и расплывчатые мысли ясными и отчетливыми.

Постепенно Л. Витгенштейн поменял суждения, высказанные в данном трактате. В дальнейших работах он критикует традиционные схемы интерпретации, рассматривающие язык как собрание имен, деноминатов и десигнатов объектов, названий вещей и лиц, объединенных логико-семантическим аппаратом со связками «есть», «или», «если, то» и т.д. Задача понимания здесь сводится к объяснениям посредством явных дефиниций, постулирующих серию актов и ментальных процессов и образующих переход от языка к реальности. Теории языкового изображения, логического атомизма и ментализма тесно связаны.

Философские проблемы возникают тогда, когда появляется языковая путаница, когда мы нарушаем правила, смешивая различные языковые игры. Языковых игр бесконечно много, как бесконечны способы использования слов, знаков, пропозиций. Множественность не является чем-то фиксированным, данным раз и навсегда, поскольку одни игры рождаются, другие, старея, исчезают. Сама лексема «игра» указывает на тот факт, что язык, говорение, являясь типом активности, составляют часть человеческой жизни.

И задача лингвистического анализа состоит в том, чтобы распутать ее (путаницу), а средством выступает возврат к обычному нефилософскому употреблению слов. Для Л. Витгенштейна высшим критерием осмысленности предложений оказывается обычный язык, обычное разговорное употребление слов. Вспомним «Приключения Алисы в стране чудес» и призыв Герцогини: «...думай о смысле, а слова придут сами!» [12, с.99].

Как реакция на позитивистскую тенденцию в аналитической философии, формальный и схематический логический анализ научного мышления был заменен требованием признания ценности конкретных фактуальных исследований реальных случаев развития современной науки. П. Строссон, например, отстаивает коммуникативно-интенциональный подход к языку, который разделяют Дж. Остин в своей теории «речевых актов». П. Грайс объясняет языковое значение в контексте намерений говорящего с целью воздействия на слушающих, Дж. Сёрл – в иллюкутивной логике и др.

Так, например, П. Грайс отдает предпочтение интенциональному значению и утверждает, что значениями слов могут выступать только субъективные интенциональные содержания говорящих. «Объективное значение» есть лишь конвенционально устойчивая субъективная интенция и ничего более. Отсюда следует, что основополагающим уровнем философии языка, в противовес устраняющимся от субъективности исследованиям, нацеленным на прояснение универсальных лингвистических структур, должен стать анализ обычного языка в его интерсубъективном актуальном употреблении.

Деятельностный, динамический аспект языка подчеркивался и известным американским философом лингвистом Дж. Сёрлем [13, с.170–194]. Приоритет, отданный П. Грайсом интенциональному содержанию в формировании значения выражения, позволил ему говорить о производном уровне проблем философии языка по сравнению с философией сознания. Отвечая на вопрос «Можно ли творить реальность словами?», Дж. Сёрл создал классификацию речевых актов и пришел к выводу, что речевые акты напрямую не соотносятся с действительностью. Понятие значения как прямого отражения действительности или как ее представления, замещения, репрезентации он, вслед за П. Грайсом, заменяет понятием *интенциональности*, интенции (*intention*), намерения, подразумевания говорящим, направленности его речедействия на предмет. Оставаясь все же аналитическим философом, Дж. Сёрл исследовал сознание посредством анализа языка.

Современная проблематика философии языка, понимаемая как теория значения, определяется, как правило, противостоянием интерналистской (истоками которой является картезианская теория ментального) и экстерналистской, представленной, например, в работах С. Крипке, трактовки значения. Попытки синтеза герменевтической философии и аналитической философии поддерживает также и Ю. Хабермас, который, отме-

чая «прагматический поворот» философии языка от семантики истинности к теории понимания, полагает, что теорию речевых актов Дж. Сёрля можно поместить на почву коммуникативной теории действия. Новые перспективы связаны с уточнением значения и значимости, вниманием к коммуникативным координатам. Если для структурной и генеративной лингвистик типичным было постулирование языка как некоей абстрактной сети взаимозависимостей, то теперь в центре внимания оказывается не только язык (в неразрывном единстве его формы и субстанции), но и единство языка и индивида, мыслящего, общающегося с себе подобными, познающего и действующего в реальном мире. Прежняя статическая теория исходила в познании языка от таких объектов, как текст, предложение, слово; деятельностный подход отправной точкой считает человека, его потребности, цели, мотивы, ожидания, намерения, его практические и коммуникативные действия.

Таким образом, опыт теоретического осмысления языка в философском знании показал, что радикальный отказ от однозначной сопряженности языковой реальности с именами не мог не повлечь за собой трансформацию как самого феномена языка, так и его философской стилистики. В философском знании и осмыслении языка явственно прослеживаются феноменологические тенденции, позволившие нам постулировать язык как онтогносеологический феномен с определенными парадигмальными характеристиками: знаковость, объектность, целостность, структурность, континуальность, социальность, историчность, субъектность, когнитивность, идеальность, симультантность, комбинаторность, креативность, эмерджентность. [14, с. 339].

Литература

1. Арно А., Лансло К. Общая и рациональная грамматика Пор-Рояля. – М.: Прогресс, 1977.
2. См. об этом: Кашкин В.Б. Подходы к сходствам и различиям языков в истории языкознания // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.1. Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. – Воронеж, 1999.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
4. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: Синто, 1993.
5. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. – М.: Изд-во УРСС, 2004.
6. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. – М., 1999. – Вып.1.
7. Шмелёва Ж.Н. Дискурс как механизм актуализации языка // Вестник КрасГАУ. – Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2007. – № 14.
8. Сепир Э. Коммуникация // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993.
9. Блумфилд Л. Язык. – М.: Изд-во УРСС, 2002.
10. Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – Т.1.
11. Делёз Ж. Логика смысла. – М.: Академия, 1995.
12. Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес. – М.: Пресса, 1992.
13. Сёрл Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С.170–194.
14. Шмелёва Ж.Н. Парадигмальные характеристики языка // Вестник КрасГАУ. – 2007. – № 15. – С. 334–339.

Поправка. В №1 «Вестника КрасГАУ» (2014) в рубрике «Философия» в названии статьи С.А. Машанова «Социальная философия» была допущена ошибка. Правильно следует читать: «Особенности трансформации массового сознания в эпоху глобализации».